

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ИСТОРИЯ

Надеждинск, который мы потеряли

В Центре городской культуры открылась выставка, основанная на дневниках инженера Уралмашзавода

Юлия Баталина

Название выставки — «Человек из Надеждинска» — невольно заставляет мысленно повторять слова гребенщиковского «Человека из Кемерова». Конечно, здесь всё — про другое, и всё же что-то в этом есть:

Он скуч на слова, как Де Ниро;
С ним спорит только больной.
Его не проведёшь на мякине,
Он знает ходы под землёй...

(Фрагмент дневника Бориса Луканина, здесь и далее — орфография и пунктуация оригинала)

Посреди города — огромный великолепный Спасо-Преображенский собор, хотя, судя по всему, у местных религия пользуется не самой большой популярностью; настоящая религия надеждинцев — труд, это их главная духовная ценность.

Но вот не стаёт храма. Вот он ещё стоит, вот раздаётся первый взрыв — и появляются бреши в стенах. Второй взрыв сносит фигурные купола-луковки.

И не стаёт Надеждинска. Это уже Серов...

Он попрежнему грязен и неряшлив. Леса вырублены около города, в том числе и за рекой Каквой. Там, где были вековые деревья, сейчас пустыри. Исчезли грибные и рыбные места. Нет знаменитой «Коммуны», где мы собирали вёдрами грибы. Лес и там вырубили. Там на «старицах» (старых руслах реки Каквы), где мы ловили щуки (маленьких щук), построили дома. Сам Надеждинск (Серов) — это огромная «яма».

Я показывал Вере свою родину. Мы бродили по улицам города Серова, но он «навевывал» не радость, а тоску. Грязные не мощеные улицы, колодины от телег, обильная пыль на дорогах. Зашли мы и на Почтамскую улицу. Здесь я проводил свое детство... А вот проспект. Он хуже проселочной дороги. Развороченные деревянные тротуары. Некрасивые одноэтажные домики, никогда не беленые дома, они черные, прокопченные дымом, покрытые заводской

пылью и копотью. Таким показался мне Надеждинск в этот приезд.

Исчезновение Надеждинска, который ушёл в пучины времени, превращаясь в миф, посетители новой выставки в Центре городской культуры переживают вместе с уроженцем города Борисом Луканиным. С семи лет он вёл дневник, который иллюстрировал собственными фотографиями, рисунками и вырезками из газет. В дневнике — не только хронологические записи, но и интервью с различными людьми, краеведческие заметки и даже попытки что-то сделать в сфере художественной прозы, в том числе целый любовный роман, который, как выразилась куратор выставки Марина Соколовская, «неожиданно открывает чувственный мир инженера машзавода». Огромная рукопись хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), и на её основе Марина Соколовская представила в рамках Третьей индустриальной биеннале в Екатеринбурге выставку «Человек из Надеждинска».

Марина Соколовская, куратор выставки «Человек из Надеждинска»:

— На обложке первой тетради он написал: «Писать «Историю жизни» — это самая, самая большая мечта моя с раннего детства, и я уверен, я убеждён, что никогда не потеряю желания писать её». Он родился в 1911 году на Северном Урале, в 1925 году пришёл работать на завод в Надеждинск, в 1930-е годы учился в Кунгуре, служил на советско-китайской границе, работал на Уралмашзаводе инженером.

Жизнь в заводском городе у края тайги, оборачивающаяся зависимостью и очарованностью лесом, экономика завода и экономика одной семьи, тайга как угроза в сравнении с арестами и голodom, Надеждинск его детства, похожий национальной планировкой и насыщенностью жизни на Нью-Йорк, трудовая этика и усвоение коммунистических идеалов, повседневность военной части в середине 1930-х и быт соцгорода УЗТМ той же поры на фоне

картин природы, пожаров и поджигателей — истории из его жизни можно сложить в пьесу, вычитывая в них не только интересные факты о прошлом и символические переклички, но и стремления, заботы и надежды писавшего. Слова помогали ему нащупать в жизни некоторую мораль и придать ей некоторый смысл.

В Екатеринбурге выставка демонстрировалась в помещении библиотеки им. Белинского, не слишком подходящем для художественных проектов. В Перми ей повезло больше: залы Центра городской культуры для таких событий специально созданы.

Текстовые фрагменты и фотоснимки из дневника Луканина художник проекта Сергей Рожин поместил на листы упаковочного гофрокартона, разрисованного в стилистике дневниковских зарисовок. Подписи к фото Марина Соколовская собственноручно скопировала с оборота снимков: Луканин всё описал очень дотошно — когда сделана фотография, кто на ней изображён и при каких обстоятельствах.

Кураторская работа была сложнейшей: дневники представлены в разрозненном виде, хронология отсутствует, а главное — текстов очень много. Выбрать фрагменты для выставки было непросто, но в результате получилась наглядная история жизни человека, который взрослев в годы революции и в самые голодные дни думал о том, как смастерить камеру-обскуру, подседнялся незаконно к первой в городе телефонной линии и пел в трубку арии... Марине Соколовской это напомнило приключения Тома Сойера.

Герой экспозиции участвовал в колективизации, понимая и описывая в дневнике её бессмыслицу, но противостоять ему не приходило в голову. Он служил на границе и подробно описал быт красноармейцев. В дневнике Бориса Луканина немало сюжетов, которые могли бы стать основой для художественных произведений.

Куратор выставки Марина Соколовская